

М.И. Пыляев

Старая Москва

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М.И. Пыляев**
Старая Москва / М.И. Пыляев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 672 с.

ISBN 978-5-458-01221-8

Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. С 132 иллюстрациями.

ISBN 978-5-458-01221-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Москва при Екатеринѣ II.—Улицы и мостовая.—Рогатки и фонари.—Характеристика высшаго общества того времени.—Роскошь нарядовъ, экипажей и пр.—Модный молодой человѣкъ.—«Новоманерныя петербургскія слова».—Великосвѣтскій жаргонъ.—Тетушка Петровской эпохи.—Жизнь на улицахъ въ праздники.—Кулачные бои.—Мѣсто народныхъ гуляній.—Рысые бѣга.—Святочныя катанья по городу.—Полицеймейстеръ Эргель и графъ А. Орловъ.—Праздники въ Москвѣ во время коронаціи Екатерины II.—Поѣздка царицы на поклоненіе мощамъ святителя Сергія.—Описаніе торжествъ въ лаврѣ.—Уличный маскарадъ.—«Торжествующая Минерва». Авторы этого зрѣлища: Волковъ, Сумароковъ и Херасковъ.—Характеристика А. П. Сумарокова и Хераскова.—Церковь св. Кира и Иоанна въ память восшествія императрицы на престолъ.—Павловская больница.—Проектъ Воспитательнаго дома.—Постройка зданія.—Пожертвованія П. А. Демидова.—Чуждачества Демидова.—Переписка съ Бецкимъ.—Благодарительная дѣятельность послѣдняго.

МОСКВА при императрицѣ Екатеринѣ II жила еще вѣрная преданіямъ сѣдой старины. По разсказамъ современниковъ, въ ней можно было найти много такого, до чего еще не коснулась эпоха преобразованій Петра Великаго.

Старина въ Москвѣ сохранялась не только въ общественномъ быту, но и во внѣшнемъ устройствѣ города.

Москва при Екатеринѣ II представляла нѣсколько сплошныхъ городовъ и деревень. Сама государыня, когда говорила про Москву, то называла ее «сосредоточіемъ нѣсколькихъ міровъ».

Имя города Москвѣ давали только каменные стѣны Кремля, Китай и Бѣлаго города. Настоящій же городъ строился не по плану

заморскаго водчаго, а по прихоти каждаго домохозяина; хотя Бантышъ-Каменскій въ біографіи князя В. Голицына и говоритъ, что въ угоду этому боярину было построено въ Москвѣ до 3,000 каменныхъ домовъ, но врядь ли это было на самомъ дѣлѣ. Улицы были неправильныя, гдѣ черезчуръ узкія, гдѣ не въ мѣру уже широкія, множество переулковъ, закоулковъ и тупиковъ часто преграждались строеніями.

Дома раздѣляли иногда цѣлыя пустоши, иногда и цѣлыя улицы представляли ничто иное, какъ одни плетни или заборы, изрѣдка прерываемые высокими воротами, подъ двускатной кровлей которыхъ виднѣлись мѣдныя восьмиконечные кресты, да и о жизни на дворахъ давали знать лаемъ одни псы въ подворотняхъ.

Дома богатыхъ людей ютились на широкихъ дворахъ въ купцахъ вѣсковыхъ деревь; здѣсь царствовало полное загородное приюлье: луга, пруды, ключи, огороды, плодовые сады.

Къ богатымъ барскимъ усадьбамъ прилежала большая часть густо скученныхъ простыхъ деревенскихъ избъ, крытыхъ лубкомъ, тесомъ и соломой. На улицахъ существовала почти вездѣ невылазная грязь и стояли болота и лужи, въ которыхъ купалась и плескалась пернатая домашняя птица.

Большая часть улицъ не была въ тѣ времена вымощена камнемъ, а по старому обычаю мощена была фашинникомъ или бревнами. Такія улицы еще существовали въ Москвѣ до пожара 1812 года. Грязь съ московскихъ улицъ шла на удобреніе царскихъ садовъ и ежегодно это удобреніе туда свозилось по нѣсколько сотъ возовъ¹⁾. Насколько непроходимы были улицы Москвы отъ грязи, видно изъ того, что иногда откладывались въ Кремлѣ крестные ходы.

Мостить улицы камнемъ стали въ Москвѣ съ 1692 года, когда Петръ Великій издалъ указъ, по которому повинность мостить камнемъ московскія улицы разложена была на все государство²⁾. Сборъ дикаго камня распределенъ по всей землѣ: съ дворцовыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и со всѣхъ вотчинъ служилаго сословія, по числу крестьянскихъ дворовъ, съ десяти дворовъ одинъ камень, мѣрою въ аршинъ, съ другого десятка—въ четверть, съ третьяго—два камня, по полуаршину, наконецъ съ четвертаго десятка—мелкаго камня, чтобы не было меньше гусянаго яйца, мѣрою квадратный аршинъ. Съ гостей и вообще торговыхъ людей эта повинность была разложена по ихъ промысламъ. Всѣ же крестьяне, въ извозѣ или такъ прїѣзжавшіе въ Москву, должны были въ городскихъ воротахъ представлять по три камня ручныхъ, но чтобы меньше гусянаго яйца не было.

На ночь большія улицы запирались рогатками, у которых сторожа были изъ обывателей, рогатки вечеромъ ставились въ десять часовъ, а утромъ снимались за часъ до разсвѣта. Сторожа при рогаткахъ стояли иные съ оружіями, другіе же съ палками или «грановитыми дубинами». При опасностяхъ сторожа били въ трещетки.

Первыя рогатки въ Москвѣ учреждены были при Іоаннѣ III, въ 1504 году; у нихъ стояли караулы и никого не пропускали безъ фонарей; за пожарами наблюдала полиція съ башенокъ, называемыхъ тогда «лантернами»; послѣднія устраивались надъ съѣзжими дворами. Первые фонари въ Москвѣ были зажжены осенью 1730 года, во время пребыванія двора въ Москвѣ; поставлены они были на столбахъ, одинъ отъ другого на нѣсколько сажень; фонари были въ первое время слюдяные.

Нѣкоторымъ обывателямъ, у которыхъ окна выходили на улицу, позволялось ставить на окнахъ свѣчи; какъ послѣднія, такъ и фонари, горѣли только до полуночи. Въ 1766 году всѣхъ фонарей на столбахъ было 600; въ 1782 году фонарей было уже 3,500 штукъ, а въ 1800 году фонарей въ Москвѣ стояло до 6,559 шт. Каждый фонарь въ первое время по постановкѣ обошелся казнѣ по одному рублю. На большихъ улицахъ разставлены фонари были чрезъ 40 сажень; по переулкамъ, отъ кривизны ихъ, противъ этого вдвое.

Въ екатерининское время московское высшее общество было далеко не на высокой ступени умственного и нравственного развитія—подъ золотыми расшитыми кафтанами таились старинныя грубыя нравы.

Такія противорѣчія заставили литераторовъ того времени выступить съ обличительнымъ протестомъ противъ нравовъ высшаго общества, гдѣ на первомъ планѣ была только одна мода. По требованіямъ моды, роскошь въ костюмахъ доходила до крайностей: бархатъ, кружева и блонды, серебряныя и золотыя украшенія считались необходимыми принадлежностями туалета. Кафтаны носились съ золотымъ шитьемъ и съ золотымъ галуномъ, и не носить такого кафтана для свѣтскаго человѣка значило быть осмѣяннымъ. Щеголь долженъ былъ имѣть такихъ дорогихъ кафтановъ по нѣскольку и какъ можно чаще перемѣнять, шубы были бархатныя, съ золотыми кистями; на кафтанахъ тоже подлѣ петель привѣшивались иногда кисти, а на шпагѣ ленточка; манжеты носились тонкія кружевныя, чулки носили шелковые со стрѣлками, башмаки съ красными или розовыми каблучками и большими пряжками; имѣли при себѣ лорнетъ, карманные часы, по нѣскольку золотыхъ,

иногда осыпанныхъ брилліантами, табакерокъ съ миниатюрными портретами красавицъ или съ изображеніемъ сердца, провѣннаго стрѣлой, и другія драгоценныя бездѣлки; на пальцахъ множество колець, а въ рукахъ трость.

Но особенное вниманіе щеголей было обращено на головную уборку: завиваніе волосъ, пудру и парики. Убрать голову согласно съ требованіями свѣтскихъ приличій, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, было хлопотливое и не легкое искусство. Волосы были завиваемы буколь въ двадцать и болѣе, щеголи просиживали за такимъ занятіемъ часа по три и по четыре. Кудри завивали на подобіе «заливныхъ трубъ и винныхъ боченковъ», какъ острилъ журналъ «Пустомеля».

Вотъ какъ, по свидѣтельству сатирическихъ листовъ, проводилъ свое время модный молодой человекъ, носившій въ екатерининское время названія: щеголя, вертопраха и петиметра. «Проснувшись онъ въ полдень, или немного позже, первое мажетъ лицо свое парижскою мазью, натирается равными соками и кропитъ себя пахучими водами, потомъ набрасываетъ пудреманъ и по нѣскольکو часовъ проводитъ за туалетомъ, румяня губы, чистя зубы, подсурмливая брови и налѣпливая мушки, смотря по погодѣ петиметрскаго горизонта. По окончаніи туалета онъ садится въ маленькую, манерную карету, на которой часто изображаются купидоны со стрѣлами, и ѣдетъ вскачь, давъ прохожихъ, изъ дома въ домъ».

Въ бесѣдѣ съ щеголихами онъ воленъ до наглости, смѣлъ до безстыдства, живъ до дерзости; его за это называютъ «рѣзвымъ ребенкомъ». Признаніе въ любви онъ дѣлаетъ всегда быстро; на примѣрѣ, рассказывая красавицѣ о какомъ ни на есть любовномъ приключеніи, онъ вдругъ прерываетъ разговоръ: «Э! кстати, сударыня, сказать ли вамъ новость? Вить я влюбленъ въ васъ до дурчества»;—и бросаетъ на нее «гнилой взглядъ». Щеголиха потупляется, будто ей стыдно, петиметръ продолжаетъ говорить ей похвалы.

Послѣ этого разговора щеголиха и петиметръ бывають нѣсколько дней безумно другъ въ друга влюблены. Они располагають дни свои такъ, чтобы всегда быть вмѣстѣ: въ «сѣринькой»³⁾ ѣздимъ въ англійскую комедію, въ «пестринькой» бываемъ во французской, въ «колетца»—въ маскарадѣ, въ «мѣдный тазъ»—въ концертѣ, въ «сайку»—смотримъ русскій спектакль, въ «умойся»—дома, а въ «красное»—ѣдимъ прогуливаться за городъ. Такимъ образомъ петиметръ держитъ ее «болванчикомъ» до того времени, какъ встрѣтится другая.

На жаргонѣ петиметровъ было много словъ, буквально переведенныхъ съ французскаго языка; такія слова назывались «новоманерныя петербургскія слова». Современная комедія не разъ осмѣивала этотъ языкъ. «Живописецъ» Новикова приводитъ интересные образцы этого моднаго щегольского нарѣчія.

Напримѣръ, слово «болванчикъ» было ласкательное—его придавали другъ другу любовники, оно значило то же, что *idole de mon ame*; «ахъ, мужчина, какъ ты забавень! Ужестъ, ужестъ! Твои

Московскіе франты въ концѣ XVIII вѣка.

По рисунку Делабарта.

гнилые взгляды и томные вздохи и мертваго разсмѣшить могутъ». Маханьемъ называлось волокитство. «Ха, ха, ха! ахъ, монкеръ, ты уморилъ меня!» «Онъ живетъ три года съ женою и по сю пору ее любить!» «Перестань, мужчина, это никакъ не можетъ быть, три года имѣть въ головѣ своей вздоръ!» «Безподобно и безпримѣрно» въ особенномъ новомъ смыслѣ, напримѣръ: «Безподобные люди! она дурачится по-дѣдовски и тѣмъ безподобно его терзаетъ, а онъ такъ темень въ свѣтѣ, что по сю пору не примѣтилъ, что это ни

чуть не славно и совсѣмъ неловко; онъ такъ развязенъ въ умѣ, что никакъ не можетъ ретироваться въ свѣтъ». На простомъ языкѣ эти странныя слова безъ смысла обозначали слѣдующее: «Рѣдкіе люди! Она любитъ его постоянно, а онъ совсѣмъ не понятливъ въ щегольскомъ обхожденіи и не разумѣетъ того, что постоянная любовь въ щегольскомъ свѣтѣ почитается тяжкими оковами; онъ такъ глупъ, что и самъ любить ее равномерно».

Разговоры между дамами и мужчинами преимущественно касались любовныхъ похожденій, страстныхъ признаній и сплетенъ двусмысленнаго содержанія о разныхъ знакомыхъ лицахъ; волокитство было и общимъ развлеченіемъ, и цѣлью. При такой снисходительности всякая шалость, прикрытая модою, почиталась простительною. Нѣжная, предупредительная любовь между мужемъ и женою на языкѣ моднаго свѣта называлась смѣшнымъ старовѣрствомъ. Торжество моды было тогда, если мужъ и жена жили на двѣ раздѣльныя половины и имѣли свой особенный кругъ знакомыхъ: жена была окружена роемъ поклонниковъ, а мужъ содержалъ «метрессу», которая стоила большихъ денегъ.

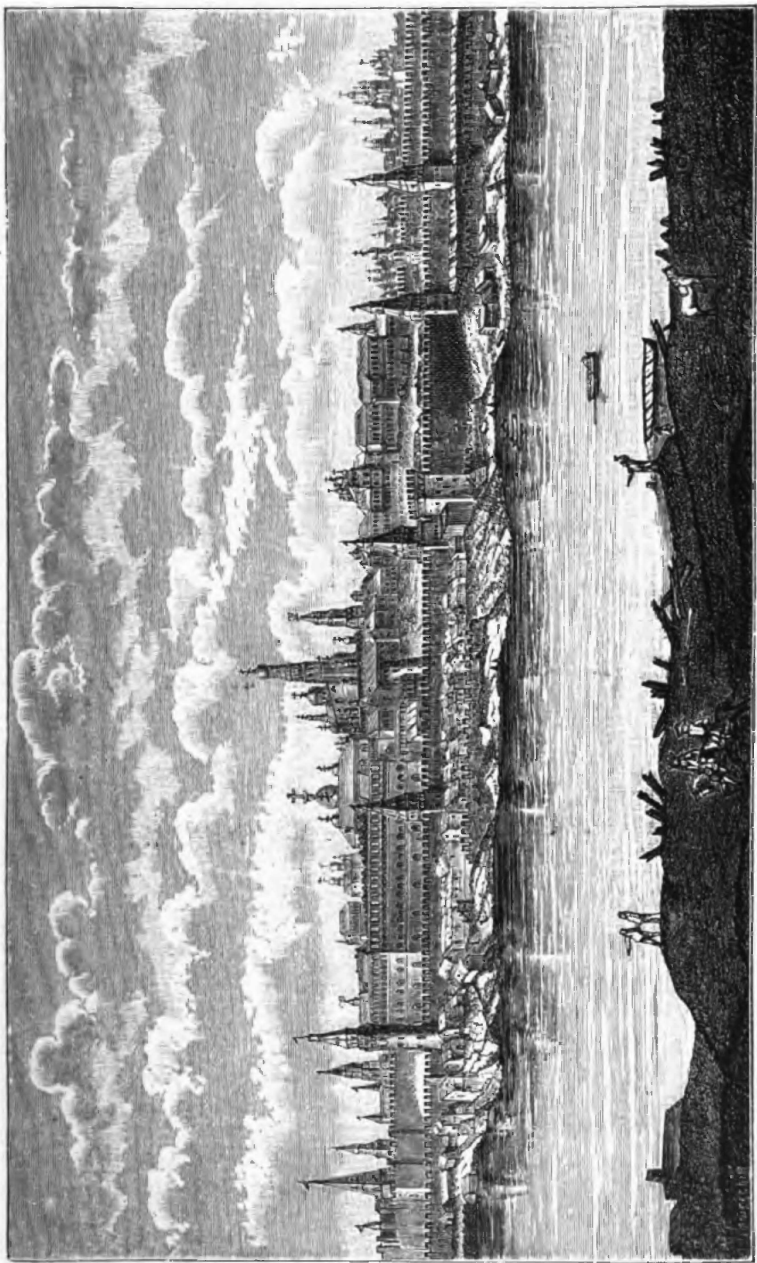
Но, не смотря на приведенныя нами крайности, порожденныя французскимъ вліаніемъ, въ тогдашнемъ московскомъ обществѣ еще много сохранялось старины. Сатирическіе журналы рисуютъ этихъ представителей старины, разумѣется, въ каррикатурѣ и на нихъ нельзя опираться, какъ на документы. Но въ извѣстной степени ихъ показанія все-таки заслуживаютъ вниманія.

Во «Всякой Всячинѣ», напримѣръ, описывается визитъ молодого племянника у старой тетки: «Не успѣлъ послѣдній войти къ ней и поклониться, какъ она закричала на него: «басурманъ, какъ ты въ комнаты благочинно войти не умѣешь?» Я извинился, говоря, что я такъ спѣшилъ къ ней подойти, что позабылся. Она глядѣла, на него нахмурившись, въ комнатѣ было темно, тетка сидѣла на кровати, племянникъ хотѣлъ поцѣловать ея руку, но тутъ встрѣтилъ непреоборимыя препятствія. Между ними находились слѣдующіе одушевленные и неодушевленные предметы. У самой двери стоялъ, направо, большой сундукъ, желѣзомъ окованный; налѣво множество ящичковъ, ларчиковъ, коробочекъ и скамеечекъ барскихъ барынь. При концѣ узкаго прохода сидѣли на землѣ рядомъ слѣпая между двумя карлицами и двѣ богадѣльницы. Передъ ними, ближе къ кровати, лежалъ мужикъ, который сказки сказывалъ; далѣе странница и двѣ ея внучки,—дѣвушки-невѣсты; да дура. Странница съ внучками лежали на перинахъ; у кровати занавѣсы были открыты, вѣроятно отъ духоты, ибо тетушка была одѣта

Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій, проѣзжающій своего рысака Барса.

Съ весьма рѣдкой гравюры того времени.

Московский Кремль въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ гравюры того времени Бангеландъ.

очень тепло: сверхъ сорочки она имѣла лисью шубу. Нѣсколько старухъ и дѣвокъ еще стояло у стѣнъ для услугъ, подпирая рукою руку, а сею щеку. Ихъ недосуги живо изображало растрепанное убранство ихъ головъ и выпачканное платье. Племянникъ такъ и не достигъ со своимъ поклономъ къ теткѣ, онъ передавилъ челоуѣкъ пять и перебилъ множество посуды и въ концѣ-концовъ былъ очень радъ, что кой-какъ выскоцилъ по-здорову изъ комнаты своей родственницы».

Если можно было встрѣтиться съ такимъ образомъ жизни въ дворянскомъ быту, то еще проще была въ то время жизнь посадскихъ людей и простолюдиновъ.

Напримѣръ, когда богатый челоуѣкъ ѣдалъ на серебрѣ десятки кушаньевъ, простолюдинъ ѣлъ хлѣбъ пополамъ съ соломой, лебедой, спалъ прямо на полу въ дыму съ телятами и овцами, а лѣтомъ и осенью простой народъ прямо спалъ на улицахъ; на Москвѣ рѣкѣ и Яузѣ мылись лица обоего пола, прямо, открыто на воздухъ; стирали свое бѣлье. Ниже мы прилагаемъ изображеніе Серебрянскихъ бань на рѣкѣ Яузѣ—бани эти существовали еще въ XVI столѣтіи. Въ виду этихъ бань въ приходѣ Николы въ Воробинѣ стоялъ нѣкогда родовой домъ драматурга А. Н. Островскаго. Здѣсь талантливый писатель написалъ цѣлый рой своихъ неувдаемыхъ комедій. Теперь въ домѣ Островскаго открыто распивочное заведеніе и какъ разъ, гдѣ помѣщался письменный столъ безсмертнаго художника, стоитъ стойка кабатчика. Описывая картину тогдашняго уличнаго быта, мы находимъ, что на «Вшивомъ рынкѣ» собиралась цѣлая толпа мужчинъ, которые тамъ стриглись, и отъ этого рынокъ былъ постоянно устланъ волосами, будто ковромъ.

Посадскіе и простой народъ лѣтомъ ходили въ халатахъ или рубахахъ, а зимою носили тулупы, крытые китайкою или нанкою; лѣтомъ на головахъ имѣли круглыя шляпы и картузы, а зимою шапки и мѣховые картузы. Отличительный нарядъ женщины простого сословія было покрывало, которое называлось накидкою. Накидки обыкновенно были ситцевыя, но зажиточныя носили «канаватныя» съ золотомъ—бывали такія накидки цѣною по сту рублей и болѣе; выйти безъ такой накидки изъ дому почиталось за стыдъ; обыкновенная одежда бабъ состояла изъ рубашки съ широкими рукавами и узенькими запястьями.

У пожилыхъ женщинъ былъ у рубашекъ высокій воротъ и широкій воротникъ, юбка и душегрѣйка или шушунъ,—послѣдніе были разныхъ покроевъ; голову повязывали платкомъ. Встарину

всѣ купчихи носили юбки и кофты, а на головахъ платки; послѣдніе были парчевые, глазетовые, тканые, съ золотыми каймами, шитые золотомъ, битые канителью; бывали платки по сту и болѣе рублей; дамы, какъ въ богатыхъ, такъ и въ бѣдныхъ домахъ, носили бумажные вязаные колпаки. По праздникамъ же выходили на улицу въ дорогихъ кокошникахъ, убранныхъ жемчугомъ и драгоценными камнями; на шеѣ было «перло» (жемчужная нитка).

Въ праздничные дни всѣ женщины являлись на улицу — старья садились на скамейкахъ или на «завалинкахъ» у воротъ и судачили, молодья качались на улицахъ на качеляхъ и доскахъ. Зимомъ катались женщины и мужчины на конькахъ по льду, также катались на салазкахъ съ горъ.

Въ Китай-городѣ, позади Мытнаго двора, была устроена такая катальная гора извѣстнымъ Ванькой Каиномъ; она долго послѣ него носила названіе Каиновой. Зимомъ народъ также въ праздничные дни собирался на льду на кулачные и палочные бои. Охотники собирались въ партіи и такимъ образомъ составляли двѣ враждебныя стороны. По свисту обѣ стороны бросались другъ на друга и бились жестоко, многіе выходили навѣкъ изъ битвы изуродованными, другихъ выносили мертвыми.

Вступая въ единоборство, кулачные бойцы предварительно обнимались и троекратно цѣловались. Въ екатерининское время на Москвѣ кулачнымъ ратоборствомъ славился половой изъ пѣвческаго трактира Герасимъ, родомъ ярославецъ; это былъ небольшого роста мужикъ, плечистый, съ длинными мускулистыми руками и огромными кулаками.

Этого атлета гдѣ-то отыскала княгиня Е. Р. Дашкова и рекомендовала чесменскому герою графу Орлову; послѣдній былъ большой охотникъ до такихъ ратоборствъ. Въ зимнее время знаменитые кулачные бои составлялись подъ старымъ Каменнымъ или Троицкимъ мостомъ, подъ которымъ была мельница, и рѣчка Неглинная для этого запружалась; отъ запрудки здѣсь образовывался широкій прудъ, почти во всю длину теперешняго верхняго кремлевскаго сада. Въ кулачныхъ бояхъ принимало участіе и высшее тогда дворянское сословіе. Въ дни, когда не было боевъ, охотники до рысаковъ потѣшались на борзыхъ коняхъ, въ маленькихъ саночкахъ, либо въ пошевняхъ.

Здѣсь же обѣ масляницѣ строились горы, балаганы (комедіи) и было народное гулянье, гдѣ знать московская, чиновники и горожане съ своими семействами проѣзжали кругомъ гулянья, простые же люди катывались съ горъ; женщины толпились около комедій